

Если бы оригинального хозяина тела можно было описать восьмью иероглифами, они бы звучали так: высокомерен и неумел, любит поесть и ленится работать.

Здоровый и крепкий молодой мужчина, у которого есть руки и ноги, умудрялся целыми днями сидеть без дела, пока его семья не оказывалась на грани разорения. В результате к своим двадцати с лишним годам он так и не смог найти себе невесту.

Когда совсем уж деваться было некуда, он опустошил семейные сбережения и купил в дом Юй Цзюэцюэ. Но даже после этого не стал относиться к нему с уважением: перебивался от одной трапезы до другой, заставляя и Юй Цзюэцюэ терпеть лишения. В итоге судьба его не пощадила, и он поплатился за свои поступки.

Это был вывод, к которому Цинь Ся пришел, перебирая воспоминания оригинального хозяина тела. Поэтому, увидев удивленное выражение лица Лю Доуцзы, он ничуть не удивился.

Что до причин, по которым он изменился, они лежали на поверхности.

— Раньше, когда я был один, мне хватало поесть самому, чтобы никто не голодал. Теперь все иначе.

Лю Доуцзы переводил взгляд с Цинь Ся на Юй Цзюэцюэ, а потом восторженно поднял большой палец в сторону Юй Цзюэцюэ.

— Невестка, ты куда более крутой, чем я себе представлял.

Юй Цзюэцюэ смотрел на него в полном недоумении, не понимая, с чего Лю Доуцзы сказал такое.

А Цинь Ся, чтобы доказать Лю Доуцзы свою решимость, тут же принялся за дело.

После обеда он, под предлогом прогулки для переваривания пищи, сунул в карман последние несколько лян серебра и нефритовую кость для игры в кости, затем пошел следом за Лю Доуцзы, ведя с собой Юй Цзюэцюэ.

Через какое-то время они остановились перед ломбардом.

Лю Доуцзы знал, что этот нефритовый кубик был любимой вещью Цинь Ся. Он настолько дорожил им, что не мог уснуть, не покрутив его в руках. И теперь он готов был отдать его в ломбард, чтобы получить деньги для начала дела и содержания семьи.

Брак — страшная сила!

— Брат Ся, ты действительно все обдумал? Даже если это залог, чтобы потом его выкупить, нужно будет заплатить немалые проценты.

Даже самые ценные вещи в ломбарде теряют половину своей стоимости, и Лю Доуцзы переживал за Цинь Ся.

Но Цинь Ся, с видом невозмутимого спокойствия, вошел в ломбард.

Лю Доуцзы оставался снаружи, нервно переминаясь и хватаясь за голову. Наконец, спустя долгое время, Цинь Ся и его супруг вышли, и он поспешил к ним навстречу.

— Как прошло? Ты действительно заложил кубик? — спросил Лю Доуцзы, глядя на Цинь Ся с нескрываемым любопытством.

Юй Цзюэцзюэ, стоя рядом, хотел что-то сказать, но, поколебавшись, промолчал. Его взгляд выдал беспокойство. Он совершенно не ожидал, что Цинь Ся, зайдя в ломбард с кубиком, сразу потребует сделать «мертвый залог».

«Мертвый залог» означал, что предмет уже нельзя будет выкупить обратно. Однако сумма, получаемая за него, была чуть выше, чем при обычном залоге.

Когда Лю Доуцзы услышал эти два слова, он от изумления потерял дар речи.

— Мертвый залог? Брат Ся, но ведь этот кубик стоит куда больше двенадцати лян серебра! — воскликнул он.

Хотя двенадцать лян — это и так внушительная сумма, на которую обычная семья в уезде могла бы жить, затянув пояс, несколько месяцев.

Цинь Ся, похлопывая теперь значительно потяжелевший кошель, сказал спокойно:

— Ты ведь знаешь, откуда взялась эта кость. Она досталась мне от игорного дома, а значит, добыта нечестным путем. Держать ее у себя — как держать раскаленный уголь. Теперь, когда у меня есть семья, я должен строить дело и жить по-другому. Я уже решил: больше никаких пьянок, азартных игр и пустых трат. Эта вещь мне ни к чему, отдать ее — лучшее, что я могу сделать.

Эти твердо сказанные слова произвели на Лю Доуцзы сильное впечатление. Он, с уважением глядя на Цинь Ся, похлопал себя по груди.

— Брат Ся, раз ты настроен так решительно, у тебя все получится! Мы же братья, так что никаких церемоний! Если тебе понадобится моя помощь, только скажи.

Цинь Ся шагнул вперед, дружески похлопал Лю Доуцзы по плечу и, совершенно не колеблясь, ответил:

— На самом деле, есть одно дело, в котором ты мог бы помочь. Знаешь ли ты, в какой медицинский центр города лучше всего обратиться? Я хочу сводить А-Цзю на прием.

Лю Доуцзы не стал уточнять, что беспокоит Юй Цзюэцюэ. Тот был старше его и был невесткой, так что задавать такие вопросы было бы бестактно.

Они втроем прошли через весь рынок и, дойдя до одного из перекрестков, Лю Доуцзы указал вдаль.

— Вот этот «Чэнь И Тан». Здесь работает старый доктор Сюй, его в городе все хвалят. Он берет за прием всего десять вэнь, будь то ребенок, старик или взрослый.

Цинь Ся поблагодарил Лю Доуцзы и расспросил его о других местах в городе: где продают недорогие крупы, масло и бытовые товары. Когда все было выяснено, он отпустил друга домой.

Делать тофу — нелегкий труд. Каждый день Лю Доуцзы поднимался еще до рассвета, чтобы молотить бобы. Поэтому каждую вторую половину дня он возвращался домой, чтобы немного поспать. Пройдя большую часть дороги, Лю Доуцзы уже начал зевать во весь рот.

Войдя в медицинскую клинику, Цинь Ся заплатил за прием.

Доктор, которому на вид было уже за шестьдесят, пощупал пульс Юй Цзюэцюэ, аккуратно разглаживая седую бороду. Как только его пальцы коснулись запястья, брови старика тревожно поднялись.

— Пульс указывает на внутреннее повреждение и застой крови. Пульс слабый, а это значит, что жизненная энергия истощена. Если это состояние оставить без внимания, долгих лет ему не видать!

Старый доктор с состраданием смотрел на Юй Цзюэцюэ, но в его взгляде, устремленном на Цинь Ся, читалась едва скрываемая осуждающая строгость, словно он решил, что перед ним виновник всех бед пациента.

К счастью, Юй Цзюэцюэ поспешил объясниться.

— Это не имеет никакого отношения к моему мужу. Когда-то я оказался на улице, потерял память и в итоге попал в руки торговцев людьми. Возможно, я был ранен, но ничего не помню.

Когда старый лекарь услышал, что Юй Цзюэцюэ прошел через руки работоторговцев, его взгляд

стал более задумчивым, но сомнения в глазах при взгляде на Цинь Ся так и не исчезли.

Цинь Ся, смущенно почесывая нос, вздохнул:

— Лао-е, раз я привел его к вам, значит, хочу, чтобы вы его вылечили. Пожалуйста, пропишите лекарства, а мы уж точно будем следовать всем вашим указаниям.

Старый доктор холодно фыркнул, вновь принялся тщательно проверять пульс Юй Цзюэцюэ и затем взялся писать рецепт.

— Лечение требует терпения, его организм слаб, и, как говорится, «слабость не терпит спешки». Нельзя форсировать процесс, иначе все только усугубится. Забирайте этот рецепт, дайте ему пропить лекарства десять дней, а затем приходите снова.

Передавая рецепт, он посмотрел на них с легкой строгостью и добавил:

— Молодые люди, я понимаю, что кровь в вас кипит, но пока его состояние не улучшится, никакой близости между вами быть не должно.

Юй Цзюэцюэ тут же вспыхнул, словно спелая хурма, и опустил взгляд. Уши Цинь Ся тоже загорелись, и, не сказав ни слова, он поспешил пойти к прилавку за лекарствами.

Десять доз лекарств, каждая по восемьдесят вэнь, плюс бутылочка успокоительного средства за тридцать вэнь — чуть больше восьми лян серебра быстро перекочевали в кассу клиники.

Юй Цзюэцюэ стоял, переполненный смешанными чувствами. Он ощущал горечь из-за того, сколько серебра Цинь Ся потратил на лекарства, и одновременно мучился от мысли, что сам стал для него такой обузой.

Он задумался: сможет ли Цинь Ся и дальше оставаться столь терпеливым? Или в один момент его выдержка иссякнет?

Спустившись с лестницы, Юй Цзюэцюэ, обращаясь к шедшему рядом Цинь Ся, тихо сказал:

— Деньги за лекарства... Я найду способ вернуть тебе. Я слышал, что в городе некоторые семьи или лавки ищут помощников. Даже за самую простую работу платят хотя бы один-два десятка вэнь в день. Когда я выйду на работу и накоплю достаточно, отдам тебе за прием и лекарства.

Цинь Ся ответил ему всего двумя словами:

— Не нужно.

Юй Цзюэцюэ почувствовал, как сердце сжалось от тревоги.

С момента прошлой ночи до сих пор Цинь Ся был к нему слишком добр. Эта доброта казалась чем-то нереальным, что только усиливало его страх потерять это мимолетное чувство покоя.

Цинь Ся уловил перемену в выражении лица Юй Цзюэцюэ.

Его короткое «не нужно» объяснялось просто: все, что он делал сейчас, было не только из желания не причинять Юй Цзюэцюэ лишних хлопот, но и по причине скрытой корысти.

Цинь Ся, делая все для Юй Цзюэцюэ, рассчитывал на то, что, когда тот восстановит память, он вспомнит эту заботу и, признавая ее, не станет устраивать ему проблем.

Он уже продумал план: как только удастся заработать деньги на продаже еды, он найдет для Юй Цзюэцюэ другое жилье в городе, вернет ему кабальный контракт, и тогда их отношения можно будет завершить без скандалов, оформив простую бумагу о разводе.

Однако эти мысли он никак не мог озвучить Юй Цзюэцюэ. Вместо этого он сказал:

— Мы теперь одна семья, не стоит говорить такие отстраненные вещи. Ты просто пей лекарства и сосредоточься на выздоровлении.

Юй Цзюэцюэ ничего не оставалось, кроме как осторожно, словно это было золото, прижать к груди пакет с десятью дозами лекарств.

Поход в клинику был лишь одной из причин их выхода в город. Цинь Ся и Юй Цзюэцюэ, идя вдоль улиц, приобрели еще множество необходимых вещей. Первым делом они зашли в лавку с крупами. Запасы риса и муки дома были полностью исчерпаны, и если не пополнить их, вскоре придется довольствоваться лишь северо-западным ветром*.

(ПП: голодать и холодать)

Сейчас было мирное время, и цены на зерно были стабильны.

Цинь Ся взял по одному доу (примерно 10 литровое ведро) белой муки и белого риса — за 80 и 100 вэнь соответственно. Тонкие сорта зерна были дорогими, и при его нынешних доходах они не могли себе позволить есть их каждый день, поэтому он также купил два доу смешанной муки. Смешанная мука была значительно дешевле: один доу стоил 50 вэнь, а за два доу вышло всего 100 вэнь.

Кроме того, он купил немного проса, сорго, клейкого риса, красной фасоли и арахиса.

Клейкий рис и арахис оказались самыми дорогими: первый стоил 15 вэнь за шэн (около литра), а второй — 3 вэнь за лян (около 50 граммов), что делало шэн арахиса равным 30 вэнь — ценой трех шэн белого риса.

Выяснилось, что арахисовые семена были выданы крестьянам императорским указом. В префектуре Пинъюань его начали выращивать всего два сезона назад, и пока что это делали немногие хозяйства, поэтому цена оставалась высокой.

Цинь Ся с облегчением подумал, что ему повезло попасть в такой подходящий период. Такие продукты, как помидоры, батат, картофель и перец, уже были распространены. Даже дорогой арахис теперь доступен, и это, конечно, лучше, чем если бы он был недостижим. Для повара его отсутствие стало бы серьезной помехой.

Выйдя из лавки с крупами, они направились в лавку с маслом. Одна бутылка хлопкового масла — для ламп, и одна бутылка рапсового масла — для готовки, обошлись в 50 вэнь. Цинь Ся уточнил у работника, можно ли будет получить скидку при покупке больших объемов в будущем. Тот кивнул, но не уточнил, насколько это будет выгодно.

Последним пунктом была лавка с мелочами.

Рекомендованный Лю Доуцзы магазин оказался хорошо снабженным. Цинь Ся купил соль и сахар, а также выбрал несколько пряностей, таких как черный перец, сычуаньский перец, сушеный красный перец и звездчатый анис. Все вместе стоило 150 вэнь.

Впрочем, он понимал, что покупать такие вещи в лавке — это переплата. Сычуаньский перец и острый перец можно было бы выращивать прямо во дворе.

Однако огород семьи Цинь был полностью заброшен. Сейчас на нем упрямо стоял лишь дикий лук, а все остальное заросло сорняками.

Чтобы восстановить огород, нужно было ждать весны и тогда уже сеять новые семена.

К этому моменту руки у них были заняты множеством пакетов и свертков, но самое дорогое — овощи, яйца и мясо — они еще не купили.

Цинь Ся смотрел на прохожих с корзинами в руках или заплечными корзинами и почувствовал, как сильно ему не хватает жизненного опыта.

В этот момент Цинь Ся заметил на противоположной стороне улицы столярную мастерскую. Его глаза загорелись, и он, не теряя времени, быстро направился туда.

После короткого разговора он купил у столяра деревянную тележку с небольшим дефектом за три с половиной лян серебра. Тележка была удобной: посередине имелось место для

установки котелка и печи, а специальная подставка поддерживала ее в неподвижном состоянии при остановке, не давая опрокидываться на бок. Это был популярный среди уличных торговцев формат, часто используемый для продажи еды.

Хотя тележка была сделана учеником и из дешевого дерева, с остатками заусенцев в некоторых местах, для Цинь Ся это не было проблемой.

Теперь, имея тележку, оба освободили руки от тяжелых покупок.

— Осталось найти печь, котелок, набор баночек для специй и бумажный зонтик, который можно прикрепить к тележке, — размышлял Цинь Ся, толкая покупку.

Юй Цзюэцюэ, задумавшись, добавил:

— Может быть, муж забыл про упаковку для закусок? Я заметил, что на улице все заворачивают еду в промасленную бумагу.

Цинь Ся хлопнул себя по лбу.

— Точно! Совсем вылетело из головы. Ты прав, нужно купить несколько пачек промасленной бумаги и бамбуковых шпажек.

Примерно посчитав время, Цинь Ся вспомнил, что через пять дней наступит десятый день зимнего месяца.

В этот день в городском храме Вэньхуа проводилась храмовая ярмарка, которая устраивалась каждый пятый и десятый день месяца. Это было самое оживленное событие в городе, чем-то похожее на деревенские базары. Цинь Ся решил, что начнет свой бизнес именно на этой ярмарке, чтобы попробовать продать жареный тофу. Так он надеялся заработать свои первые серьезные деньги.